

АСТАНА

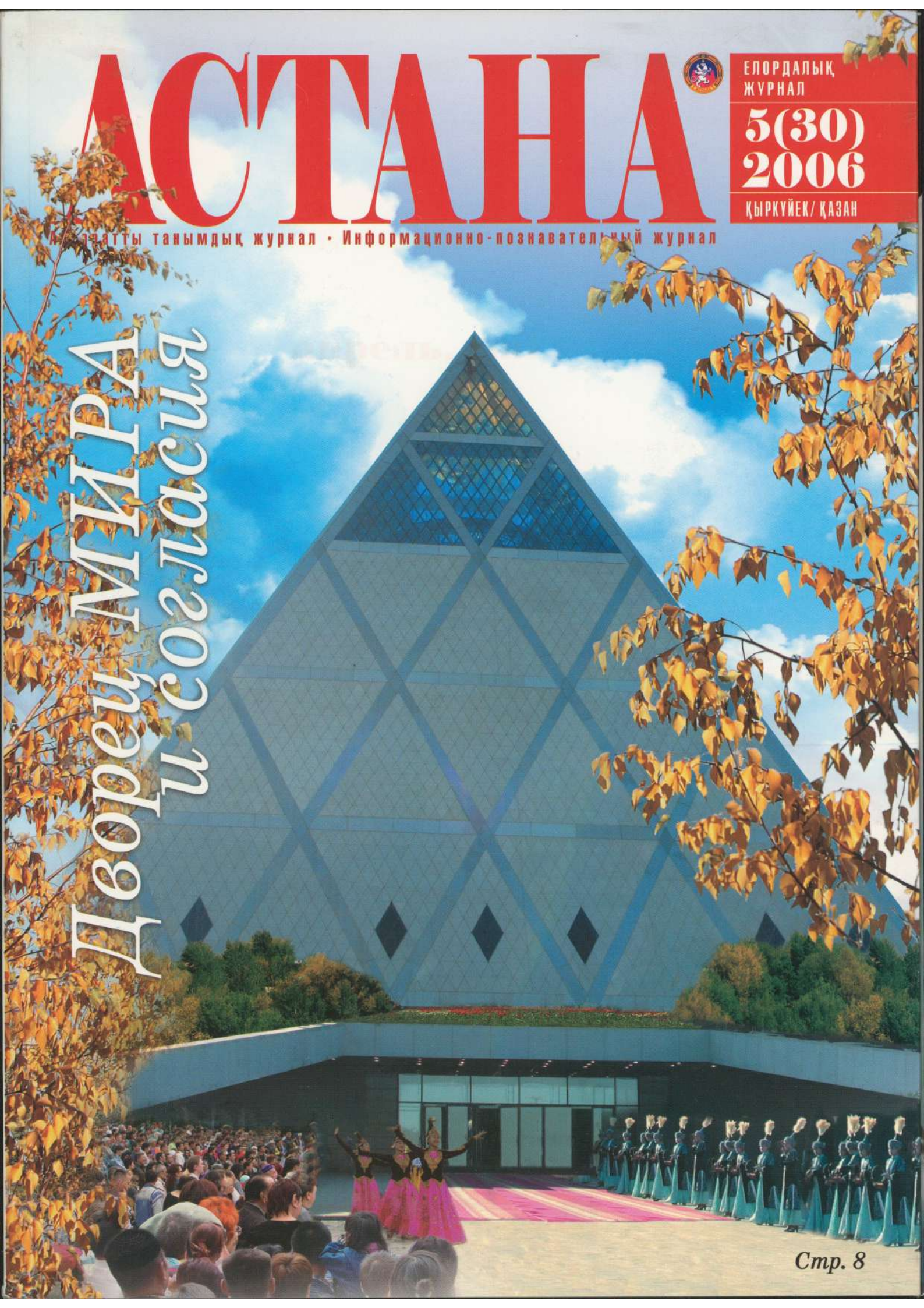
ЕЛОРДАЛЫҚ
ЖУРНАЛ

5(30)
2006

ҚЫРКҮЙЕК / ҚАЗАН

Ақпаратты танымдық журнал • Информационно-познавательный журнал

Дворец МИРА
и согласия

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЗАХОВ

Последнее интервью Нурболата Масанова

Историей дореволюционного Казахстана в недалеком прошлом заниматься было непрестижно и опасно: могли обвинить в идеализации феодального или буржуазного прошлого. Особенно это касалось темы происхождения казахского народа и такой проблемы, как кочевничество. Одним из немногих ученых, которые занимались проблемами этногенеза и номадизма, был доктор исторических наук ныне покойный Нурболат Масанов, автор фундаментальной монографии «Кочевая цивилизация казахов». В полном объеме этот труд вышел только после крушения советской идеологии: в 1995 году монография была издана в Москве и Алматы тиражом в 1000 экземпляров, но очень быстро разошлась. Сегодня этой книгой, рассматривающей историю и культуру казахского народа как уникальную и самобытную цивилизацию, заинтересовались французы, и «Кочевая цивилизация казахов» должна быть издана в скором времени в Париже.

– В советские времена в исторической науке существовала так называемая пятичленная схема: первобытное общество, рабовла-

дение, феодализм, капитализм и социализм, – рассказывал в своем последнем интервью ученый, которого в 80-е называли идеологом казахского национализма, а ныне нередко критикуют за правдивые публикации по истории и культуре казахского народа. – Всякий историк, решивший заняться проблемами кочевого скотоводства, должен был подгонять закономерности исторического развития номадов под одну из этих формаций. Но кочевники по своей природе никуда «не вставлялись», потому что у них была особая система взаимоотношений, в корне отличная от того, что постулировалось советской идеологией.

Взявшись за изучение данной проблемы, я обратил внимание на то, что многие исследователи анализируют проблему кочевничества в отрыве от реальностей жизни казахского общества. Ведь 50% территории Казахстана составляет пустыня, 25 – полупустыня, 20 – степь, и только 5–7% – лесостепь. Для того чтобы заниматься, например, неполиваем земледелием, требуется 400 мм атмосферных осадков в год, тогда как в Казах-

стане их в среднем почти вдвое меньше. Совершенно очевидно, что в таких условиях можно было заниматься только кочевым скотоводством. Это был единственный способ адаптации человека к сложным природно-климатическим условиям региона. Попытки некоторых исследователей представить дело таким образом, будто бы казахи кочевали только потому, что это было их субъективным желанием или чьей-то злой волей, являются абсолютной чепухой. Точно так же, как и нынешние утверждения некоторых авторов о том, что казахи были сплошь земледельцами и жили только в городах.

– А что такое вообще кочевое скотоводство?

– Номадизм – это кочевание по сезонным циклам. Экологические факторы сезонности и зональности урожайности растительного покрова в купе с цикличностью климатических условий, общего баланса увлажненности, распределения солнечной радиации, степени минерализации водных источников и многими другими естественно-природными факторами диктуют и определяют динамику и характер передвижений кочевников-скотоводов, а также всего механизма функционирования кочевого образа жизни. Иначе говоря, кормовых и водных ресурсов так мало в аридных зонах Евразии и они так дисперсны и сегментированы, что их нельзя использовать иначе, как посредством доставки скота к ним, то есть только с помощью кочевого скотоводческого хозяйства и кочевого образа жизни населения.

Наша справка

Нурболат Масанов в 1976 г. закончил исторический факультет КазГУ им. Кирова. 10 лет проработал в Институте истории, этнографии и археологии Академии наук Казахстана. В 1986 г. перешел на работу в президиум АН. В 1992 г. защитил докторскую диссертацию по этнографии в знаменитом Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. С 1992 по 1998 гг. работал в Казахском государственном университете. Последние годы являлся президентом Казахстанской ассоциации политических наук. С ноября 2005 года возглавил процесс создания Института культурного наследия номадов. Автор более 200 публикаций, в том числе 8 монографий. Последняя его книга, посвященная межэтническим отношениям в Казахстане, была недавно издана в Японии. Скончался Н. Масанов скоропостижно в октябре 2006 года.

Зиму казахи проводили стационарно – находились на одном месте от трех до шести месяцев в году, посевы суги в Казахстане залегают плотным и глубоким слоем, иногда доходящим до 50–70 и более сантиметров. В этот период несколько семей объединялись в один хозяйственный аул, где должно было быть сосредоточено не более 300–400 голов овец. При большом количестве скота на зимнем пастбище ему бы не хватало кормов. В короткий зимний день овца может ежедневно проходить не более двух-трех километров, поэтому расстояние, максимум два километра. Выпас овец осуществлялся равномерными полосушками в одну сторону по полосе шириной 20–40 метров по пути использованному пастбищу, а потом обратно, но уже по свежескошенной траве. За зиму трава на пастбище сжималась так, словно здесь аккуратно пролились газонокосилкой.

Пастбища у казахов почти всегда были одноразовые, и если неосторожно потравить новый травостой, то существовала опасность остаться на следующую зиму без кормов. Поэтому при температуре от 0 до 5 градусов тепла, когда снег уже сошел, но нового корма еще не было, кочевники быстро выводили скот за пределы зимовки, делали отару на маленькие группы по 50–70 овец и бродили вокруг зимовки в поисках прошлогодней травы. При температуре выше 5 градусов начинается вегетация растительного покрова. В этот период относительного покоя, когда кормов и воды было уже достаточно, скотовод-кочевник должен был так организовать выпас своего скота, чтобы именно на него пришлось расклад молодняка. В температурном режиме выше 10 градусов нужно было быстрым маршем пройти безводные пустыни и выйти в степную зону, где был так называемый летний максимум атмосферных осадков. Любая задержка или, наоборот, излишняя торопливость могли стоить людям и скоту жизни.

Летом, когда кормов много, надо было найти только воду. Поэтому у казахов было два основных типа кочевья: кочевья-те, то кочевья по естественным водоемам, и те, что кочевья по некустарничным водоемам (болотам). В этот период года кочевники объединялись в большие группы и могли сосредоточить до 600–800 голов овец в

зависимости от конкретных природных ресурсов. Именно летом номады съезжались в большие группы, проводили годовые асы, общественные собрания, совершали военные походы.

Осенью казахи начинали движение в сторону зимних пастбищ, но в отличие от весны двигались медленно. Рассеиваясь по всей степи, ждали установления на зимних пастбищах устойчивого снежного покрова. Они отдавали до максимуму использование зимнего пастбища как самого ценного и важного для жизни кочевников ресурса.

На всего этого выстраивается целый алгоритм научно-исследовательской практики: вначале надо изучить особенности среды обитания номадов, затем способы их адаптации в пространстве и механизмы хозяйствования, из которых вытекают, прежде всего, социальные организации и материальная культура, затем социально-экономические взаимоотношения, и только после этого духовная культура и общественно-политические процессы. Если выдернуть из этого ряда один из контекстов, то кочевничество как феноменальное явление становится абсолютно непонятным. Большинство же исследователей, особенно в советский период, начинали изучать эту проблему с третьего, а то и пятого уровня, то есть сразу с социально-экономических отношений, этноязыка, социальной организации или духовной культуры. Высшей стадией развития кочевничества эти исследователи считали оседлость. Но в условиях пустыни оседание просто невозможно, поэтому то часть населения Саудовской Аравии и многих стран саванно-саванно-степной зоны Северной Африки до сих пор и кочует.

Отсюда вывод: кочевое хозяйство было максимально адаптировано к природным условиям. Чтобы выжить в экстремальных условиях дефицита воды летом, крайнего холода, доходящего до 40 градусов зимой, резких суточных, сезонных и годовых колебаний климата, каждый кочевник должен был иметь две профессии: скотовода (знать, как кормить, поить, лечить, ухаживать за скотом) и собственно кочевника (уметь ориентироваться в пространстве, предугадывать направление ветра, према атмосферных осадков, знать особенности прорастания растительного покрова, найти воду в безводной пустыне и т. д.).

Обе эти профессии можно было получить только от отца и деду. Именно поэтому у казахов существовала генеалогическая традиция родства и, как следствие, родоцентрированная система. Кетаны говорили, даже между родными братьями могла существовать конкуренция за информацию. Известны случаи, когда отец самую важную информацию о природных условиях данной местности, находясь на смертном одре, сообщал только младшему сыну, который наследовал его зимовку.

В рамках колхозно-совхозной системы потомки кочевников в значительной степени утратили более чем 2000-летний опыт ведения кочечевого скотоводческого хозяйства, при котором человек рассчитывал только на себя и свое знание, накопленные его предками.

– Малочисленность народа как-то связана с образом жизни кочевья?

– Кочевое скотоводство в экстремальных условиях жизни вело к высочайшей конкуренции, когда выживал только сильнейший. Согласно единственному достоверному источнику того времени – переписи населения 1897 года, тогда численность кочечевого населения составляла на территории Казахстана всего лишь 3,4 миллиона человек. За сто прошедших с тех пор лет число казахов увеличилось лишь вдвое. Много горя принесла эпоха коллективизации, приведшая к массовому неестественному оседанию. Совершенно очевидно, что с изменением апробированного тысячелетиями образа жизни резко снижаются адаптивные способности народа. Необходимо от трех до шести поколений, чтобы адаптироваться к новому образу жизни. У казахов это проходило очень сложно (переход к оседлому образу жизни сопровождался голодом, массовыми болезнями и снижением продолжительности жизни). Тем не менее наше общество показало высокую степень выживаемости и адаптивный потенциал. Сейчас удельный вес казахов, проживающих в городах, уже превышает 50 процентов. Но это не снимает проблему, связанную с так называемой лесотной пространств.

До революции плотность населения в Казахстане составляла всего лишь один-два человека на квадратный километр, а по переписи 1989 года – 6,8 человека. Это означает, что степень освоения территории у нас выросла всего в

три-четыре раза. Это не так много: в советский период в Казахстане точечно развивались города, а все остальное, как было пустыней во всех смыслах слова, так ею и оставалось.

Сегодня сложные природные условия продолжают доминировать над нашими возможностями. Перепись населения 1999 года показала, что за 10 лет плотность населения упала с 6,3 до 5,7, а значит, уменьшилась степень освоения и контроль над территорией. Разрушается инфраструктура, связывающая огромное пространство Казахстана в единую государственную территорию. Необходимо остановить этот процесс снижения плотности населения, то есть степени освоения территории, чтобы сохранить Казахстан как единое государство.

– Какой, с точки зрения историка, вы видите выход из этой ситуации?

– У нас нет ресурсов для развития. Только наличие большого количества малых и средних городов по всей стране позволит иметь оптимальную степень освоения территории. Стране нужна новая

авиационный транспорт (TGV), жизнь большинства городов была локальной и эндогенной. Если человек жил в Верде (700 км от Парижа) или в Марселе (900 км), то именно здесь он и должен был искать работу. Поэтому рабочие места также были локальными и местными. После появления TGV французы получили возможность жить в небольших городах, где жизнь дешевле, но работать в Париже. В результате неизбежно усилилось инвестирование небольших городов, они фактически стали дальними пригородами больших городов. Это ускорило степень освоения территории, остановило миграцию в мегаполисы и сбалансировало распределение населения на территории страны.

– За что вас в 1986 году в одной из докладных записок в отделе науки ЦК Компартии Казахстана называли "идеологом казахского национализма"?

– Один известный деятель написал тогда обширный доклад в ЦК Компартии Казахстана, где посетил мне несколько страниц. Он утверждал, что я якобы идеализи-

рую казахскую историю, воспевая уникальность казахского народа и его историю. Тем самым я противопоставляю ее советской идеологии и принципам марксизма-ленинизма, а мои научные труды являются теоретической основой казахского национализма.

– А что было на самом деле?

– На самом деле и всегда считал своим долгом описывать историю казахского народа такой, какая она есть. Я ее не уничижал, не пытался представить примитивной, как было принято в советское время, но и никогда не идеализировал и не превозносил до небес,

как это делают сейчас некоторые вчерашние "партизаны". Я всегда говорил, что у казахского народа были свои особые история и культура, которые не вписываются в общепринятые марксистские рамки о пяти общественно-экономических формациях. Наша история сложная, богатая, но она другая, чем у оседло-земледельческих народов. Прошло шесть-семь лет после той докладной, и меня стали обвинять в обратном. Это был период, когда республика переживала первые годы своей независимости. Была гордость за свое государство, но это чувство порой перехлестывало все разумные пределы. И тогда я выступил с некоторыми критическими заметками. В общем, чем больше занимаешься подлинной наукой, тем больше шансов войти в конфликт с общественными стереотипами. Потому как история я знаю, что только время ставит все по своим местам.

– Чем вы занимаетесь в настоящее время?

– Под эгидой Министерства культуры, информации и спорта занимаюсь созданием Института

